

11. Специфіка календара Скарыны ў размяшчэнні цыклу святаў нерухомых перад рухомым цыклам. У календары мы знаходзім некалькі ўспамінаў славянскіх: Саву Сербскага, Сімяна Сербскага, Уладзіміра “самодержца киевскаго он же крестил землю рускую”, а таксама Барыса і Глеба. Пад 26.X., дзе ёсць згадка пра “трясенье земли”, дададзена, што землятрусцы здараюцца ў паўднёвых краях.
12. Сёння можна ўказаць толькі дзесяць захаваных экзэмпляраў гэтага выдання.
13. Гл. *Rękopisy cerkiewnosłowiańskie w Polsce. Katalog. Wyd. drugie zmienione*. Oprac. A. Naumow, A. Kaszlej, E. Naumow, J. Stradomski. Kraków, 2004, nr 48, 62, 71 i 92; пар. Ісаевич, Я. Д. *Литературна спадщина Івана Федорова*. Львів, 1989; Немировский, Е. Л. *Франциск Скорина...*, 467–486.
14. Царкоўнаславянскі і паходныя, у тым ліку сербскі, пераклады ў Лк. 7:28 прэзентуюць такі грэцкі тэкст, дзе было даданае слова “пранок”, што, зрэшты, адпавядае вершу 26. Навейшыя пераклады выпраўляюць гэта, знаходзячы адпаведнасць з Мц. 11:11, дзе аб прароку згадкі няма; але пар. у 9 і 13. Скарына ў сціхіры 1 ды ікасе 12 следуе за Лукой, а ў сціхіры 3 за Мацвеем.
15. Таксама ў агульнай прадмове да Бібліі (перад Кнігай Быцця) Скарына піша, што Кніга Сіраха змяшчае ў сабе ўсю навуку пра добрыя паводзіны (звычай).
16. Пар. Ам. 1:1, але ў габрэйскай версіі, у сваю чаргу, у грэцкай традыцыі гл. 7:14–15. Аб тым, што Амос быў пастухом, Скарына ўзгадвае ў Прадмове да Кнігі прарокаў.
17. У Аўдзеі традыцыя бачыла сына ўдавы, выратаванага Ілём, або пашкадванага ім трэцяга пяцідзясятніка.
18. Звычайна прынята, што Ёна быў прарокам з Гафхефера ля Назарэта, які прадказаў Еравааму II Божую дапамогу ў адбудове ізраільскага царства (4 Црс. 14:25). Але Скарына ў Прадмове да Кнігі прарокаў звязвае яго постаць з дзейнасцю Іллі, а звязвае з Ёнам постаць сына нейкай удавы з Сарэпты, якая карміла Іллю. Ілля ажывіў яе памёрлага сына (3 Црс. 17:7–24).
19. Марасфеец; з паселішча Марасф, Марашэт (35 км. ад Ерусаліма). У Прадмове Скарына сведчыць, што Святое Пісанне кажа пра двух Міхеяў.
20. Скарына ў Прадмове атаясамлівае прарока з Абакумам, які прынёс Даніілу абед у львіную пяхору, Дан. 14:32–38. Атаясамліванне аўтара Кнігі з прарокам, якога анёлы насілі за валасы, спрэчнае.
21. Абак. 2:1.
22. Прыводзіцца факт, што Агей убачыў завершаны храм і першым пачаў спяваць “Алілуя!”, але Скарына пра гэта не піша.
23. У Прадмове гаворыцца пра сумесную дзейнасць, смерць і пахаванне Захарыі і Агея.
24. У Малахіі народ бачыў анёла, а некаторыя лічылі, што гэта Эзра. Скарына прыводзіць факт, што ён пісаў пасля ўсіх прарокаў.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКИХ «ПРОВОЛОЧНЫХ» МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

В.А. Кобринец (Пинск, Беларусь)

В XVI–XVII вв. белорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского, которое в 1569 г. было объединено с Польским королевством в федерацию – Речь Посполитую. В денежном обращении государства участвовали монеты разных стран Европы, в том числе и Русского царства. Основным монетным номиналом последнего была высокопробная серебряная «проволочная» копейка. На лицевой стороне она имела изображение всадника с копьем. На половинной фракции копейки (денге) всадник держал в руке не копье, а саблю. С этим связано одно из наименований данной монеты – «денга-сабляница».

В XVI – первой четверти XVIII в. наиболее массовые проникновения монет Русского царства в денежное обращение белорусских земель приходится на годы военно-политических конфликтов – Ливонская война (1558–1583), война России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. и Северная война (1700–1721). Распространение продукции денежных дворов русских царей на территории Беларуси связано в первую очередь с пребыванием московских войск и их союзников. Они активно использовали привычные для них монеты для торговых контактов с местным населением.

В начале XVII в. одним из источников массовых включений русских монет в рыночную жизнь Речи Посполитой стало передвижение в разных направлениях по её землям западноевропейских наёмников. Эти люди принимали активное участие в событиях русской Смуты или Смутного времени (1598–1613). Часть из них находилась на службе у русского царя, некоторые же занимались грабежом населения. В результате и у тех и у других на руках оказывались крупные денежные средства, с которыми они возвращались к себе на родину. Чаще всего путь наёмников пролегал через белорусские земли.

Во все времена русское правительство выступало решительным противником вывоза монетного серебра из страны. В годы длительного прекращения военных действий объёмы поступлений русских монет на белорусские земли значительно сокращались. В мирное время ему удавалось более последовательно проводить эту политику запрета.

С момента появления монет они могли свободно уходить из денежного обращения как временно, так и навсегда. Как находки «проволочных» копеек на территории Беларуси, так упоминающие продукцию денежных дворов Русского царства памятники письменности свидетельствуют, что в XVII в. было несколько вариантов такого перехода.

Некоторые особенности монетных находок на территории Беларуси позволяют предположить, что не ранее первой половины XVII в. русские монеты эпизодически использовали как «оболы мертвых» («монеты Харона») или в качестве платы за выкуп места покойнику. Об этом свидетельствуют раскопки могильника у дер. Снядин Петриковского района, где среди найденных монет зафиксированы несколько копеек царя Михаила Фёдоровича (1613–1645) [4, с. 120–121].

На белорусских землях наиболее полная картина ухода продукции денежных дворов Русского царства из рыночной сферы прослеживается по данным письменных источников. Известно, что местное население прино-

сило в дар русские «проволочные» монеты наиболее чтимым иконам. Кроме того, копейки служили сырьём для ювелирных украшений, а также были полуфабрикатом для бусин такого женского украшения, как монисто.

На территории Великого княжества Литовского факты дарения и приношения в церковь копеек известны начиная с третьей четверти XVII в. В частности, 27 февраля 1665 г. брестская мещанка Устинья Манцоковна Федоровна, жена Константина Костюковича, завещает в дар на икону Богородицы, которая находится в церкви св. Симеона, 30 «денгов московских» (т.е. копеек. – В.К.) и 27 «коралей» с двумя крестиками [0, с. 447]. Косвенно о таком же использовании уже золотых копеек свидетельствует близкое по времени судебное дело Виленского магистрата от 25 июня 1666 г. Уроженец Ружан мещанин Иван Дроздович был обвинён в святотатстве в Виленской Свято-Духовской церкви. В своём оправдании обвинённый показал, что с иконы Богородицы он не брал никаких ожерелий, а также, в звонкой монете, 202 дуката и золотую копейку не похищал [2, с. 205].

Ещё одним неэкономическим способом применения русских монет было использование их как полуфабрикат для изготовления «коралей» – бусин для женских украшений (монист). На территории Беларуси вкладах и среди единичных находок сохранились вещественные памятники существования этих изделий – копейки, свёрнутые в трубочку [6, с. 76–79; 15, с. 213–215]. Документы 1630–1650-х гг. также приводят неоспоримое доказательство, что местное население активно использовало русские монеты для создания таких украшений. В перечне приданного от 10 ноября 1638 г. жены брестского мещанина Филиппа Букриевича, которое она получила от своих родителей Дороты Тыщанки и Панаса Васильевича Ханюка, упоминаются 2,5 копы (т.е. 150. – В.К.) копеек на шнуре [0, с. 316]. Косвенно об аналогичном использовании русских монет на западе белорусских земель свидетельствует дело об ограблении Пречистенской церкви в Бресте. Член брестского магистрата Иван Белькевич, находясь в должности церковного старосты, воспользовался своим положением и присвоил часть церковного имущества. В его перечне московские копейки называются не составе наличных денег, а в одном ряду с «коралями» [0, с. 371, 415].

Традиция изготавливать из копеек женское украшение (монисто) была распространена и на востоке белорусских земель. В XVII в. жители Могилёва для его характеристики использовали несколько близких названий. Чаще всего это было «каралы с копейками» и значительно реже «каралы копейковые» [7, л. 166 об.; 8, л. 515; 9, л. 407 об.; 10, л. 421 об., 711]. Ожерелье с копейками могло быть комбинированным. Помимо свёрнутых в трубочку копеек в состав таких «коралей» могли входить талеры, крестики, янтарь и некие выпуклые предметы («пукли») [9, л. 407 об.; 10, л. 298 об., 422, 711; 11, л. 163 об.; 13, л. 202 об.].

Письменные источники редко содержат развёрнутую информацию о том, из каких частей состояли украшения с копейками. Единственный известный такой документ датируется 18 декабря 1643 г. На нём стоит остановиться более подробно. В могилёвский магистрат обратился местный житель еврей Ахрон Мошкович с судебным протестом на жену Тимофея Кладки мещанку Стешу. Как сообщил истец, в ночь с 16 на 17 декабря неизвестные преступники ограбили его дом. В результате злодеяния исчезла шкатулка, в которой было много изделий из серебра, в том числе и монисто. В его состав входили оправленные в серебро хрусталь, янтарь и когти рыси, а также полкопы (т.е. – 30) копеек. Со слов потерпевшего было записано, что названное монисто носили его дети [7, л. 1175].

Незатейливый процесс переделки серебряных копеек в украшения в исключительных случаях мог стать причиной трагедии. 29 июля 1643 г. в Полоцке попытка изготовить бусину из «проволочной» копейки привела к грандиозному пожару, который уничтожил большую часть города. Он начался с возгорания дома купца Василия Паука. В пепел были обращены дома и имущество полоцких мещан, верхний и нижний замки, иезуитский коллегиум, костёлы, церкви, ратуша, сторожевые башни. В поджоге была обвинена служанка Паука – «девка» Федора Моргунович. Наиболее обстоятельно события этого дня описаны в показаниях её отца Саввы, жителя Глубокого. Она, имея «две денги московские (копейки. – В. К.), которые почала ... гнуть на коралы (монисто. – В. К.)» и уронила их в щель пола. Федора начала поиски пропажи с зажжённой лучиной, искра от которой упала на сено и содому, сложенные в сених. Отвлекаясь на домашние дела, служанка не заметила, что занялся пожар... 2 сентября Федору в соответствии с судебным приговором заживо сожгли [3, с. 350–353; 14, с. 184–185; 15, с. 213].

В повседневной жизни жителей восточных белорусских городов традиция изготовления из копеек частей мониста была очень прочной. Её следы неоднократно встречаются в судебных тяжбах Полоцка и Могилёва в третьей четверти XVII в. В них копейки-бусины фигурируют как в виде законченного изделия («коралы»), так и подготовленных его частей – «копейки гнутые» и «копейки хияльные (т.е. свёрнутые. – В.К.)» [11, л. 163 об.; 12, л. 317; 13, л. 202 об.].

Во второй половине XVII в. русские «проволочные» монеты пользуются спросом как высокопробное сырьё для изготовления серебряных изделий. Факт такого применения этих монет зафиксирован в 1679 г. в Орше. 6 июня 1679 г. местный землянин⁴ Ян Дурасевич отписывает в Рижковскую Вознесенскую церковь в дар чудотворной иконе Богородицы серебряную лампаду, сделанную из копеек [5, с. 375; 14, с. 223]. Косвенно о том же свидетельствуют клады Беларуси, состоящие исключительно из продукции русских денежных дворов. Не исключено, что они были сырьевыми запасами белорусских ювелиров [16, с. 198].

⁴ Землянин – владелец недвижимой собственности, которая давала ему право голоса на сеймах.

Рассмотренный материал позволяет прийти к нескольким выводам. На территории Беларуси русские монеты находили активное применение во внеэкономической сфере. Их использовали ювелиры как высокопробное сырьё. «Проволочные» копейки были полуфабрикатом для одного из видов женских украшений – «коралей». Местные жители жертвовали русские монеты на церковные нужды и особо почитаемым иконам. Кроме того, известны случаи использования копеек в погребальном обряде.

1. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею (далее – АВАК): в 39 т. / сост. Я.Ф. Головацкий [и др.]. – Вильно: Типография губернского правления, 1872. – Т. 6: Акты Брестского гродского суда (поточные). Акты Брестского подкоморного суда. Акты Брестской магдебургии. Акты Кобринской магдебургии. Акты Каменецкой магдебургии. – 593 с.
2. АВАК: в 39 т. / сост. Я.Ф. Головацкий [и др.]. – Вильно: Типография А.Г. Сыркина, 1878. – Т. 9: Акты Виленского земского суда. – 591 с.
3. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. (1867–1904) / сост. Н.А. Гильтебрант [и др.]. – Вильно: Типография губернского правления, 1867. – Т. 1. – 409 с.
4. Иов, О.В. «Оболы мертвых» Снядинского могильника середины XVI–XVII в. / О.В. Иов // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2004. – С. 120–121.
5. Историко-юридические материалы, извлечённые из актов книг губерний Витебской и Могилёвской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске: в 32 т. / Под ред. М.Л. Верёвкина. – Витебск: Типо-литография Г.А. Малкина, 1895. – Вып. 26. – 516 с.
6. Кобринец, В.А. Копеечные «коралы» XVII века (полоцкая находка 1990-х гг.) / В.А. Кобринец // Банкаўскі веснік. – 2008. – № 7 (408), март (спецвыпуск). – С. 76–79.
7. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 1817 (Могилёвский магистрат). – Оп. 1. – Д. 14 (Актовая книга Могилёвского магистрата за 1643 г.).
8. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилёвский магистрат). – Оп. 1. – Д. 16 (Актовая книга Могилёвского магистрата за 1645 г.).
9. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилёвский магистрат). – Оп. 1. – Д. 17 (Актовая книга Могилёвского магистрата за 1647 г.).
10. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилёвский магистрат). – Оп. 1. – Д. 18 (Актовая книга Могилёвского магистрата за 1649 г.).
11. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилёвский магистрат). – Оп. 1. – Д. 22 (Актовая книга Могилёвского магистрата за 1655 г.).
12. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилёвский магистрат). – Оп. 1. – Д. 23 (Актовая книга Могилёвского магистрата за сентябрь 1656 – август 1657 г.).
13. НИАБ. – Ф. 1823 (Полоцкий магистрат). – Оп. 1. – Д. 1 (Актовая книга Полоцкого магистрата за сентябрь 1656 – август 1657 г.).
14. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Мн.: Польша, 1995. – 686 с.
15. Рябцевич, Д.В. Полоцкий пожар 1643 года / Д.В. Рябцевич // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. IV міжнародная канферэнцыя 23–24 кастрычніка 2002 г. – Полацк, 2002. – С. 213–215.
16. Рябцевич, Д.В. «Денги Московские» в Великом княжестве Литовском XVI–XVII вв. (денежная и товарная функции) / Д.В. Рябцевич // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Пеков, 15–20 апреля 2002 г. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2002. – С. 196–198.

ОБ ИСТОЧНИКАХ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РЕДАКЦИИ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА (К ИСТОРИИ ПОЗДНЕГО ЛЕТОПИСАНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ)

Я.Г. Солодкин (Нижевартовск, Россия)

Крупнейшим памятником летописания Азиатской России второй половины XVII – середины XVIII вв. служит Сибирский летописный свод (далее – СЛС), известный в многочисленных редакциях и видах. Самой поздней из этих редакций является Академическая, в которой изложение событий доведено до 1742 г.

Н. А. Дворецкая пришла к выводам о том, что в своей первой части, которую составляет Распространенная редакция Есиповской летописи (далее – РЕЛ), Академическая редакция СЛС близка к Нарышкинской редакции того памятника (далее – АР и НР соответственно), но текст порой сокращен, нет и оглавления; в следующей части – «Описании о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее ...» – приведены лишь известия по Тобольску, а сведения о градостроительстве сходны с Книгой записной (далее – КЗ) – старшей из дошедших до нас редакций свода. Е. К. Ромодановская повторила эти заключения [3, с. 51; 4, с. 109 – 112; 5, с. 29; 7, с. 422 – 423], которые, как увидим, могут быть существенно уточнены и конкретизированы.

При сравнении РЕЛ по НР и АК обнаруживается, что в последней опущена фраза «и о поставлении в Сибири градов ... во дни и рода наша» (в предисловии [6, с. 232, 356]) и сокращены, подчас значительно, названия 6 – 9, 15 – 19, 23, 25 – 29, 31-й глав.

В АК идет речь не только о судьбе Тобольска, но и об основании Тюмени, Березова, Пельма, Тары, Сургута, Верхотурья, Томска, Туринского, Кузнецкого, Красноярского и Енисейского острогов, походе Ф. Дьякова в «Мангазейскую землю», назначении в Илимский острог первого воеводы Т. В. Шушерина, экспедиции в «Дауры» А. Ф. Пашкова и об управлявших затем этим краем Л. Б. Толбузине и Д. Д. Аршинском, поисках серебра на Урале думным дворянином Я. Т. Хитрово «с товарищи», участии Л. Б. Толбузина и его сыновей, определенных ведать даурскими острогами, размежевании земель писцом Л. М. Поскочиным в уездах Тобольского и Томского разрядов, поездке в Китай посла окольного Ф. А. Головина, отправке на береговую службу в тобольские и «исецкие» остроги и слободы ратных людей во главе с В. П. Шульгиным, их разгроме у озера Семискуль, введении с 1700 г. нового летосчисления [6, с. 369 – 372, 374 – 377, ср. с. 259 – 261, 263, 267, 269, 270, 273, 277 – 278, 280, 286, 292].

В АР повторены известия НР, отсутствующие в КЗ, о появлении в Тобольске кружечных дворов и в продаже горячего «государева» вина, тобольских пожарах 6 ноября 1657 г. «в ночи», когда сгорели 265 русских